

Кортни МАУМ

Кортни МАУМ

**Мне так хорошо
здесь без тебя**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М35

Серия «Не только о любви»

Courtney Maum

I AM HAVING SO MUCH FUN HERE WITHOUT YOU

Перевод с английского *Е. Алексеевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения издательства Touchstone,
a Division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маум, Кортни.

М35 Мне так хорошо здесь без тебя : [роман] / Кортни Маум ; [пер. с англ. Е. Алексеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Не только о любви).

ISBN 978-5-17-013957-6

Ричард, британский художник, живущий в Париже, охвачен кризисом тридцатилетних. Остав к супруге Анне, запутавшись в любовных отношениях на стороне и потеряв вдохновение, он мечется в поисках чего-то нового. Но продажа картины, написанной когда-то для жены и много значившей для обоих, внезапно меняет все, всколыхнув воспоминания, а вслед за ними и охладевшие чувства...

И теперь Ричарду предстоит совершить практически невозможное — вернуть любовь жены и доказать себе и другим, что расставание с юностью не означает расставание с глубокими чувствами, способностью к творчеству и дерзким вызовом обществу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-013957-6

© Courtney Maum, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Река, бегущая сквозь нас,
грязна и глубока.

Кэролайн Райт

Глава 1

Нередко мы сами омрачаем важнейшие моменты жизни, втайне и вопреки здравому смыслу желая, чтобы нас подвели. Так было и тогда, в конце сентября две тысячи второго года. Я впервые стоял на своей персональной выставке среди толпы людей, пришедших в галерею ради моих работ, и совсем не испытывал радости. Напротив, меня переполняла грусть. Разочарование. Если бы десять лет назад вы сказали мне, что в основу моей репутации в искусстве ляжет серия живописных полотен в стиле реализма, изображающих интерьеры, увиденные через замочную скважину... О, я бы ткнул вас носом в свои коллажи из пил, коряг и оплавленных пластиковых стаканов, в инсталляции из игрушечных солдатиков, помещенных внутрь пузырей упаковочной пленки, я бы подкрутил басы стереосистемы, из которой несся электронный джаз, и заявил вам, что никогда не стану творить на потребу публике.

И вот они вокруг меня, тринадцать произведений нарративной живописи. Все они изображают комнаты, служившие пристанищем мне или близким мне женщинам. Все они выполнены мельчайшими мазками в палитре, которая будет смотреться уместно на любой стене, в любом контексте, в любом уголке земного шара. Никто не назвал бы мои картины спорными, в них отсутствовала политика, и продавались они, как горячие пирожки.

Я стоял и чувствовал, что и сам продался. Конечно, это глубоко личное убеждение не разделял никто — ни мой галерист Жюльен, бодрым шагом переходящий от картины к картине, чтобы прилепить под очередной красный стикер, ни поток ярко одетых экспатов, пробиравшихся сквозь толпу, чтобы чокнуться со мной пластиковым стаканчиком «шабли». Откуда бы взяться унынию? Я был относительно молод, жил в Париже, давно готовился к этой выставке, и вот наконец настал мой час. И все же с минуты, когда Жюльен шлепнул стикер под «Синим медведем» — картиной, с которой я начал писать эту серию, — я не мог избавиться от ощущения, что совершил необратимое, что нахожусь не на своем месте, причем давно. Хуже того, я лишен якоря, который помог бы мне вернуться на правильный курс. Моя жена-француженка, как положено адвокату, серьезная и рациональная до мозга костей, была мерилom моего творческого упадка. Она жила со мной семь лет, еще со времен нашей учебы в университете, когда я демонстрировал миру скульптуры из мусора и кукольные дома из упаковок от Барби. Анна-Лора де Бурижо не стала бы лгать, что я добился успеха. Та же, что могла солгать, утешить и дать силы двигаться дальше, находилась по ту сторону Ла-Манша с мужчиной более надежным, более независимым, чем я. Так что из средств повышения самооценки мне были доступны только красные стикеры под проданными картинами и рукопожатия с их покупателями.

Я наблюдал за своей сногшибательной женой, блистающей для всех, кроме меня, и чувствовал, что плыву по течению без руля и без ветрил, почти мечтая пойти ко дну.

После открытия выставки мы сели в наш семейный «Пежо», и Анна врубила передачу. Если моя жена нервничает, ручная коробка — источник непередаваемых ощущений. Когда мы едем вместе, чаще всего веду не я.

Анна потянулась проверить, пристегнута ли наша дочь на заднем сиденье. Я тоже обернулся и спросил:

— Все хорошо, принцесса?

Камилла пригладила буйные воланы розовой юбки, которую она выбрала для папиного праздника, и сообщила, зевая:

— Non.

— Ты ведь не выпил последний йогурт? — задала мне вопрос жена.

В салон ворвался свет уличного фонаря, заливая пыльную приборную панель, гудящее и жужжащее сердце нашего маленького четырехколесного мира. Я заметил, что Анна сделала укладку в парикмахерской. Конечно, у меня хватило ума ничего про это не спрашивать, но я чуял в воздухе легкий клубнично-металлический привкус лака для волос, появившийся в нашей жизни пару раз в месяц.

Я посмотрел ей в глаза, красиво подведенные с тщательной выверенной небрежностью, которой славятся француженки. Я заставил себя улыбнуться.

— Нет, — ответил я. — Не выпил.

— Хорошо. — Анна выезжала с парковки. — Сейчас приедем домой, перекусим и ляжем спать.

Париж, ах, вечерний Париж! Как уличный спектакль, ты являешь зрителю сотни сцен и сотни моментов. В этом городе можно быть парочкой на площади Конкорд, делающей снимок щека к щеке под уличным фонарем, держа фотоаппарат на вытянутых руках. Можно быть стариком, который стоит на мосту и рассматривает плавучие дома. Можно быть тем, кому улыбается девушка, идущая через этот мост с телефоном, прижатым к уху. А можно быть мужчиной в дерьмовом творении французского автопрома, ведущим с супругой беседу о питьевом йогурте. Париж — город сотен миллионов огней, и временами их свет меркнет.

Анна включила радио, нашла выпуск новостей. Салон наполнило обволакивающее контральто дикторши: «На открытии саммита в Кэмп-Дэвиде премьер-министр Великобритании Тони Блэр выразил безоговорочную поддержку намерению президента Буша найти и уничтожить оружие

массового поражения, которое, вероятно, скрывают в Ираке». И далее визгливый лепет нашего некогда гордого премьер-министра: «Политику бездействия мы считаем безответственной, и это не наш выбор».

— «Бездействие», — повторила Анна. — Теперь это так называется.

— Бред какой-то, — сказал я, пропустив мимо ушей возможную шпильку в свой адрес. — Люди боятся, потому что им приказано бояться. Они не задают вопросов.

Анна включила поворотник.

— Я думаю, это прежде всего реакция замещения. *Verschiebung**. — Анна гордилась приобретенным в университете арсеналом эффектных терминов на разных языках и теперь вздернула подбородок, довольная собой. — Серьезные вопросы слишком пугают. Ведь страшно же спросить, кто на самом деле во всем виноват. Вот люди и выбирают путь наименьшего сопротивления.

— Думаешь, Франция тоже поддержит?

Взгляд Анны помрачнел:

— Нет. Никогда.

Я посмотрел в окно. Под нами тянулась бесконечная река, отделяя левый берег от правого, богатеев — от просто состоятельных.

— То, что Блэр тоже повелся — очень плохой знак. Чтобы британцы что-то слепо приняли на веру?! Мы же всегда во всем сомневались.

Анна кивнула. Воцарилось молчание. Дикторша перешла к обзору финансовой ситуации в еврозоне в период января две тысячи второго года, когда произошел переход на единую валюту. Уменьшив громкость, Анна посмотрела в зеркало заднего вида.

---

* Замещение (*нем.*) — механизм психологической защиты от неприятной ситуации, в основе которого лежит подсознательная замена недоступного объекта на доступный или неприемлемого действия приемлемым. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

— Ну что, Камилла, тебе понравилось?

— Ну да, ничего, — великодушно обронила наша дочь, тербя розовые воланы. — Лучше всего та, которая с велосипедами. Еще та, на которой кухня, ну и та, с синим медведем, которая раньше висела в моей комнате.

Я прикрыл глаза. Женщины. Даже самые юные оперируют словом, как волшебной палочкой, и безобидная похвала из их уст в любую секунду может обернуться кислотой.

«Синий медведь» был самым крупным полотном серии с эстетической точки зрения и самым сложным — с эмоциональной, потому что изначально я замыслил его как подарок для Анны.

Я писал его маслом на холсте размером сто семнадцать на сто сорок сантиметров в домике наших друзей на мысе Кейп-Код. Домишко был ветхий и покосившийся, в нем повсюду гулял сквозняк. Мы думали провести там лето после выпуска. Может быть, зачать там ребенка; если это не ответит на вопрос «что теперь?», то уж точно даст ответ на «что дальше?».

Мы первыми из всех наших друзей решились связать себя узами брака. Пожалуй, было нечто божественное и даже бунтарское в том, чтобы родить первенца, пока мы еще юны, легконоги и возмутительно влюблены друг в друга. То есть раздумывали об этом мы, конечно, гипотетически, во власти успокоительной мантры, на которой погорело столько выходцев из хороших семей: уж с нами-то незапланированная беременность произойти не может.

Теперь вообразите наше удивление, когда через каких-то пять недель после удаления внутриматочной спирали Анна обнаружила задержку и заметные боли в груди. Мы решили, что это удивительно: мы настолько слились друг с другом в своих вкусах и желаниях, что одного лишь обсуждения возможности зачатия было достаточно, чтобы зачатие вдруг оказалось возможным. Нас это даже развеселило. Мы приняли это как дар судьбы.

В первые недели на мысе Кейп-Код я еще ваял скульптуры из принесенного океаном мусора, а моя жена, рожденный иллюстратор, отдыхала от подготовки к экзамену на прием в европейскую адвокатуру — рисовала комиксы, которые полюбила во время учебы в Бостоне. В названии, «Âne в Америке», была игра слов — французское âne (ослик) звучало почти как ее собственное имя, а повествовал комикс о злключениях грустного и застенчивого парижского ослика, попавшего в шумный мир американцев с сердцами из сахарной ваты, полными животами слабоалкогольного пива и неисчерпаемым оптимизмом, на который они полагаются в любой ситуации.

Но время шло, я смотрел, как Анна поглаживает растущий живот за чтением взятых в местной библиотеке книг, и отмечал в себе странные изменения. Я, англичанин, всегда презиравший розовые сопли, вдруг стал жутким тьюфом, скатился в сентиментальную пошлость! Примерно как недостаток кислорода в салоне самолета может заставить вас прослезиться над самой примитивной мелодрамой, так действовал на меня и ребенок, который постепенно вырос под сердцем у Анны из гипотетической возможности в нечто живое и настоящее. И вот я утратил интерес к обкатанным морем стекляшкам, старым канистрам, пористым корягам и прочим сокровищам, из которых творил все лето, и ощутил непреодолимое желание сделать что-нибудь чудесное для нее. Для нее и ребенка.

Идея написать вид комнаты через замочную скважину пришла мне в голову однажды утром, когда я случайно заглянул в спальню и наткнулся на Анну с плюшевым медведем в руках. Медведя оставили нам друзья, владельцы дома, в качестве подарка для будущего младенца. На тот момент они были самыми близкими нашими друзьями, им первым мы сообщили о беременности, но все же их подарок вызывал противоречивые чувства. Анна рассматривала медведя, и в глазах у нее читались вопросы: «Будет ли наш ребенок играть с этой игрушкой? Будет ли он жить?» Я видел, как

тревога и радостное волнение сменяют друг друга на лице моей жены, и чувствовал, что не одинок в своих головокружительных метаниях между гордостью и ужасом.

И все же Анна — женщина, а я, с очевидностью, нет, и была большая разница между тем, что уже происходило с ней, и тем, что только должно было произойти с нами как с парой. Именно поэтому мне захотелось написать сцену издалека, глазами стороннего наблюдателя.

На картине я сделал комнату пустой. Лишь потрепанный коврик на полу, кресло-качалка и окно с видом на серое море. В кресле восседал медведь — чуть большего размера, чем на самом деле, и вовсе не коричневый. Я написал его синим цветом — причем не приглушенным пастельно-голубым, который можно было бы принять за игру света, а яркой небесной лазурью. На общем ровном фоне это пульсирующее цветное пятно так и притягивало взгляд. При одном освещении оно могло вызывать тревогу, при другом — наоборот, успокаивало, однако всегда наводило на мысль о страхе перед неизвестностью.

Когда я подарил картину Анне, она не спросила, почему медведь синий. Она поняла все без слов, и это вдвойне убедило меня, что я люблю ее по-настоящему и всегда буду любить. Какая еще женщина способна молча принять такую откровенность, такое осязаемое выражение счастья и страха?

Осенью картина вместе с нашими пожитками пересекла Атлантику на корабле и некоторое время ожидала на парижском складе хранения, когда родится ребенок и у нас наконец будет дом. Мы повесили ее в детской, проигнорировав мнение некоторых друзей и родственников, что картина не вызывала бы таких сложных чувств и больше подходила бы для комнаты ребенка, если бы медведь не был синим. Сам факт, что не все *понимают*, убедил нас с женой в том, что мы с ней на одной волне, в каком-то особенном единстве, и это сделало картину чем-то большим, нежели просто шуткой, понятной двоим.

А потом Камилле исполнилось три, она стала лепить на стены собственные рисунки, журнальные вырезки и бумажных птичек, и у нас возникло ощущение, что мы навязали ей нечто важное только для нас самих. Мы убрали картину в подвал, намереваясь в скором времени заменить книжные полки и освободить место под нее в спальне. Но потом я встретил Лизу, прошло много времени, и если «Синий медведь» и всплывал в наших с женой разговорах, тон их был обвиняющим и едким. И «Медведь» оставался в подвале, убранный с глаз долой, не то чтобы в забвении, но скорее в опале.

Месяцы спустя, когда я подбирал картины для выставки, галерист припомнил самую первую работу из серии с замочными скважинами и начал ее расхваливать, предлагая непременно включить ее в экспозицию. Мои опасения, что «Медведь» в нашей семье уже не имеет прежнего значения, подтвердились. Стоило мне передать слова Жюльена Анне, как она согласилась. Раз Жюльен видит «Медведя» неотъемлемой частью выставки, кто она такая, чтобы возражать. «Делай, как он тебе говорит. Продавай».

Пристроив машину на парковке возле дома, мы перешли к доведенным до автоматизма телодвижениям, составляющим костяк нашей домашней жизни. Пока Анна кормила дочь вышеупомянутым йогуртом, я наливал ванну, не забыв бросить в нее шарик персиковой соли. Потом Анна купала Камиллу, а я прибирался на кухне. Потом зашел в детскую укрыть Камиллу одеялом и поцеловать перед сном, Анна осталась почитать ей сказку.

В ванной я быстро умылся и почистил зубы. Я без всяких слов знал, что лучше убраться отсюда прежде, чем зайдет Анна, чтобы дать ей возможность спокойно привести себя в порядок без необходимости видеть отражение моего лица рядом со своим. Лег, дождался, когда стихнут отдаленные звуки напевного чтения. Услышав шаги жены из коридора, я взял с тумбочки роман «Бедняга моя страна» —

самый длинный австралийский опус из всех существующих.

Анна прошла в ванную и отгородилась от меня, захлопнув за собой дверь. Через некоторое время она вышла, благоухая розмарином. Ее темные волосы были собраны в высокий пучок на макушке — те самые волосы, которые так кружили мне голову в университете и которых я уже давно не касался. Она пожелала мне спокойной ночи, не встречаясь со мной взглядом, я сказал «спокойной ночи» в ответ.

У нас не было секса уже семь месяцев и шестнадцать дней. Я любил ее, но перестал обращать на нее внимание и завел интрижку на стороне. Анна не спросила, кто эта женщина, давно ли я с ней и что это было — секс, флирт или страсть. Она ничего не хотела знать, она хотела только, чтобы я положил этому конец. Она позволила мне сохранить роль мужа и отца, но вот другом ей я быть перестал. Я пообещал, что прерву отношения с той женщиной, хотя они и без того были закончены. К тому моменту, когда Анна догадалась о существовании любовницы, та бросила меня, чтобы выйти замуж за другого. Я признался, что люблю ее, однако это ничего не изменило.

Я оказался в жутком любовном треугольнике — тоскую по одной женщине рядом с другой, более мне недоступной. Я получил второй шанс в браке, но не имею моральных сил им воспользоваться.

Когда-то я был так влюблен в Анну-Лору, и — удивительное дело — она была влюблена в меня. Иногда я снова вижу ее *тем* взглядом — мою темноволосую красавицу с глазами цвета моря, женщину, с которой я построил жизнь, мной не заслуженную. В такие моменты я говорю себе: «Заслужи! Стань тем же человеком, каким ты был в квартирке на Род-Айленде, где вместо занятий вы ныряли голышом под одеяло и смеялись над безумным количеством подушек, которое американцы зачем-то держат на постели. Вернись к пикникам с красным «бароло» в пакете из бурой бумаги, вернись к ее уму, к ее смелости. Верни в ней французен-